
О ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ XIX В. В ТВОРЧЕСТВЕ Н. РУБЦОВА
(на примере стихотворения «Поезд»)

М. С. Акимова

Межтекстовые переключки — непростой литературоведческий вопрос. Он усложняется тем, что, наряду с «прямым» влиянием, встречается сходное ведение аналогичной темы, вообще схожее движение в литературном потоке, питаемое общей энергетикой времени, — назовём это «непреднамеренным интертекстом». Поэтому необходимо оговорить предположительный характер такого рода изысканий. В данной статье вопрос интертекстуальных связей поднимается в отношении Николая Рубцова и литературной традиции XIX в. и рассматривается на примере одного из самых глубоких, известных и цитируемых произведений автора — стихотворения «Поезд».

Выбор этого стихотворения как объекта изучения не случаен. Творчество Н. Рубцова неизменно связывается в представлении читателей с «деревенской» традицией. Разумеется, кровное родство с «провинциальной» линией русской литературы в поэзии Н. Рубцова безусловно и неоспоримо. Однако тема урбанистики и научно-технического прогресса (которая, по сути, является одной из граней характерных рубцовских тем и образов, см., напр., стихотворения «Город», «На вокзале» как иллюстрацию данного тезиса) в работах, посвящённых личности, творчеству в целом и отдельным произведениям автора, откровенно теряется. Стихотворение же «Поезд» отражает малоизученную сторону творчества Н. Рубцова — расширение авторского кругозора «человек — природа» до концепции «человек — природа — техногенная цивилизация, прогресс». На нём интересно рассмотреть и собственно раскрытие темы научного прогресса, которая присуща лире поэта («Лирика Н. Рубцова, поначалу казавшаяся многим оторванной от бурного течения современности, явилась острым и прямым откликом на явления научно-технической революции с её стремлением к стандартизации, с её безразличием к природе и извечным нравственным ценностям. Другое дело, что в мире социализма есть возможности предотвратить нежелательные последствия научно-технического прогресса. К этому и звал своей поэзией Николай Рубцов, вовсе не отрекшаяся от движения вперёд и веря в правоту и разумную волю людей»¹), и взаимоотношение рубцовской традиции с более ранней литературной традицией.

Тема противостояния/гармонии природного и человеческого, ставшая столь актуальной в XX в., уходит корнями в век девятнадцатый, когда практически все крупные писатели откликнулись на неё. Образ поезда и наступающей цивилизации создавали в своём творчестве П. Вяземский («Ночью на железной дороге между Прагою и Веною» и др.), Н. Некрасов («Железная дорога»), Ф. Глинка («Две дороги»), В. Бенедиктов («Локомотив»), Я. Полонский («На железной дороге»), А. Островский («Гроза»), М. Дмитриев («Два века»), Н. Кукольник («Попутная песня»), С. Шевырёв («Железная дорога»), Л. Мей («Леший») и др.

В этом отношении стихотворение «Поезд» содержит некоторые интересные параллели с отдельными стихотворениями Я. Полонского, В. Бенедиктова, П. Вяземского, Ф. Глинки, посвящёнными «технической» теме. Близкими оказываются воссоздаваемые образы, используемые выразительные приёмы, общее настроение стихотворений, проблематика.

Начнём с наиболее очевидных, образных, параллелей. У Н. Рубцова отображение техники вполне соответствует традиционному, предложенному поэзией XIX в. Параллели и совпадения здесь тем более интересны, что, по прошествии века после появления, образ поезда в поэзии не претерпевает значительных изменений, воспринимаясь в русле традиции XIX в. свежо, проблемно. Это не фон, но всё ещё объект философского размышления. Н. Рубцов обращается к прежним мифологемам: нечто гремящее, огромное, летящее на огромной скорости, огневое, любопытное, но опасное. Обратимся к первой мифологеме: рубцовские строчки «Поезд мчался с грохотом и воем, / Поезд мчался с лязганьем и свистом...»² вызывают в памяти строчки из П. Вяземского «Авангард его и свита — / Грохот, гул, и визг, и вой» («Ночью на железной дороге...», 1853)³ и более отдалённые ассоциации со стихами В. Бенедиктова: «Тряско стучит и гремит, и колеса вертятся...» («Над рекой», 1857)⁴, ср.: «и стучит и гремит всё пуше... Чу! Свищет и ржёт» («Локомотив», 1865)⁵; Ф. Глинки: «и свищет и рычит...» («Две дороги», 1850–70-е)⁶; Я. Полонского: «По железу железо гремит...» («На железной дороге», 1868)⁷; А. Островского: «В городах а по улицам-то индо грохот идёт, стон стоит <...> огненного змия стали запрягать... Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат» («Гроза» 1859)⁸; и в целом стихотворение вливается (или изливается из него) в русло корпуса «транспортных» текстов, где встречаются лексемы рычание, ржание, гул, визг, вой, стон, стук, гром, свист, шипение.

Быстрота изменений, набирающая обороты в XIX в., связанная с научно-техническим прогрессом, традиционно воплощается у поэтов через образ стремительно мчащегося поезда. Развивает эту тему и Н. Рубцов: «Быстрое движенье / Всё смелее в мире год от году», переключаясь с «несёмся во всю прыть» П. Вяземского⁹, «мчится, мчится железный конёк <...> дело важное, время не ждёт» Я. Полонского. Идентичность образной системы подкрепляется и лексическим сходством: «Вот он, глазом огненным сверкая, / Вылетает... Дай дорогу, пеший!»; «Он летит неукротимо, / Пролетит — и нет следа <...> Умирай, а всё лети!» (П. Вяземский, «Ночью на железной дороге...», 1853); «И лечу я, за делом лечу» (Я. Полонский, «На железной дороге», 1868); «Громадное что-то / По светлой черте горизонта летит» (В. Бенедиктов)¹⁰. Сходные мотивы и аналогии просматриваются и при сравнении «Поезда» Н. Рубцова с «Лешим» Л. Мея.

На мысли о влиянии предшественников на музу Н. Рубцова наталкивает и сходство почти буквальное. Некоторые параллели: у Н. Рубцова — «На разъезде где-то у сарая / Подхватил, понёс меня <...>», у Я. Полонского — «Мчится, мчится железный конёк, / Подхватил, посадил, да и мчит» («На железной дороге», 1868); у Н. Рубцова — «Подхватил, понёс меня, как леший!», у Ф. Глинки — «Заклёпанный в засаде леший — / И без коней — обоз бежит...» («Две дороги», 1850–70-е).

Из менее очевидных параллелей, основанных на сходном восприятии: у Н. Рубцова — «Вот он, глазом огненным сверкая, / Вылетает... Дай дорогу, пеший!», у В. Бенедиктова в «Локомотиве» — «Ему под удар / Не суйся! В нём дикая, страшная сила / Гнездится...»; у Н. Рубцова — «Подхватил, понёс меня <...> Мчусь куда-то с полным напряженьем» или «Вместе с ним и я в просторе мгlistом / Уж не смею мыслить о покое», у В. Бенедиктова — «Это — он пленных / Вослед за собой вереницу влечёт...» («Локомотив») или «увлечённый потоком» — у П. Вяземского («Ночью на железной дороге...»).

К сходству в области образной системы можно отнести и олицетворение поезда (у Н. Рубцова: «Вот он, глазом огненным сверкая, / Вылетает...»). При вхождении железной дороги и вообще технических усовершенствований в обиход они зачастую приобретали антропоморфные/зооморфные признаки, соотносясь с реальностью или мифологией (как правило, с конём или змеем).

Примыкают сюда и идентичные средства подачи образа: рефрен (как средство нагнетания атмосферы, калькирующее ускоренное движение поезда): «Мчусь куда-то с лязганьем и свистом, / Мчусь куда-то с грохотом и воем, / Мчусь куда-то с полным напряженьем»; это соотносимо с основанным на повторах стихотворением Я. Полонского «На железной дороге»: «Мчится, мчится железный конёк!»; подача свежим взглядом, использование приёма наивного видения (интересно, что понятие «наив» определено в сочинении Ф. Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795) как противопоставление природы и цивилизации¹¹), имитирующего реальное восприятие поезда. В этих целях применяются олицетворение и сказочная символика.

Н. Рубцов удачно интегрирует литературные традиции — как формальные, так и содержательные. Так, он использует разные способы подачи образа, возможности смены точек зрения, планов, времён: его герой то находится вне поезда, наблюдая его со стороны (как у В. Бенедиктова), то неожиданно оказывается «на борту» (возможно, и мысленно), давая взгляд на поэтическую ситуацию «изнутри» (приём Я. Полонского, П. Вяземского). Подобие такого перемещения встречается в «Попутной песне» Н. Кукольника.

Есть и неоднозначные, «подвопросные» отсылки, которые можно расценить как диалог (спор или согласие) с предшественниками. Лирический герой в рубцовском поезде полностью захвачен движением: «Вместе с ним и я в просторе мгlistом / Уж не смею мыслить о покое», в то время как у Я. Полонского стихотворение «На железной дороге» построено на рефлексии лирического героя, его мыслях о возможном покое (их, однако, рефреном регулярно разбивает образ мчащегося века-конька, который гонит вперёд лирического героя, «говорит: “Ты за делом, дружок, / Так ты нежность-то к чёрту пошли”»). Иными словами, «всё вперёд и всё спеша <...> / Приключись хоть смерть дорогой, / Умирай, а всё лети! / Не дадут душе убогой / С покаяньем отойти...» (П. Вяземский). Оба лирических героя — и в рубцовском поезде, и в локомотиве XIX в. — полностью захвачены в плен чудо-техникой.

«Поезд» Н. Рубцова и литературная традиция XIX в. конструируют образ поезда, несущегося в ночи: «И ему навстречу жёлтым роем / Понеслись огни в просторе мгlistом». Этот же ход выбирает для себя и П. Вяземский: «Горы ночью», «Ночью на железной дороге...». Интересно, что даже у тех авторов, которые не прибегают к этому приёму, образ всё равно приближается к «ночному» за счёт обилия лексем с семей «свет, огонь». Сопоставимы ракурсы видения (пар, дым, огонь) и у других поэтов: «Экой корабль! С середины глядит самоваром: / Искры летят из трубы между дымом и паром; / Пышет огнём, попирая послушную воду <...> Мыслью, любясь таким огневым организмом...» (В. Бенедиктов, «Над рекой», 1857)¹²; «Ух как выются дыма тучи! <...> Пышет дымом из ноздрей! <...> он дымится, а не было б свету / Дневного, ты б видел, как брызжет огонь <...> В вихре дыма / Каждый скок <...>» (В. Бенедиктов, «Локомотив»); «Из-за лесов струится дым: / То горделивая чугушка / С своим пожаром подвижным» (Ф. Глинка, «Две дороги»); «Пар клубится, несётся дымок; / Сеет искры летучие вслед <...> И, крутя, их несёт ветерок / На росу потемневшей земли» (Я. Полонский, «На железной дороге»). Образ огня не изолирован, а символичен: он зачастую выступает в интересном соотношении с образом тьмы, также символическим. Так, стихотворение «Наш век нас освещает газом...» (1848) заканчивает П. Вяземский парадоксально: нарочитым упоминанием о по-прежнему окружающей нас ночи, ожидающем нас тёмном ночлеге — образом тьмы в пику «сияющему светочу» просвещения. Ночная символика является сюжетоформирующей и в другом стихотворении поэта — «Ночью на железной дороге между Прагою и Веною»: «Огнедышащая сила, Силам адовым сродни», «Весь он пар, и весь огонь!», «Нырнёт во мраки ада...», «С гривы огненной он вспрыснет / Мелким огненным дождём», «Страшен этот, в тьме ночной, / Поединок с тёмным роком, / С неизбежною грозой». Очевидно, что таким же символическим смыслом наполняется и рубцовская ночь. Мотив темноты у Рубцова создаётся и косвенно: определённым лексическим выбором («...в самых дебрях мироздания...») и за счёт расширения «мира» стихотворения от вещественного до метафизического, космического, почти inferнального. Философское расширение образа в творчестве поэта уже отмечалось исследователями: «Лирический сюжет типа “движение сквозь пространство и время” проявляется в лирическом романе Н. Рубцова как пространственное движение, переходящее на уровень судьбоносного движения; пространственное движение, создающее инобытие лирического героя, его вездесущность; пространственное движение, позволяющее преодолеть индивидуальную и национальную локальную ограниченность, расширяющее пространство индивидуального пребывания лирического героя до пространства национального и далее — всеобщего, земного»¹³. Путь как судьба и вселенная — основной образ в «Поезде». «Вселенство» достигается через неопределённость: «где-то в самых дебрях мироздания», «перед самым, может быть, крушением», «я кричу кому-то: “До свиданья!”», «мчусь куда-то с лязганьем и свистом», «посреди явлений без названья», «на разъезде где-то у сарая». Точные координаты теряют всякое значение, мысль лирического героя расширяется до думы вселенского масштаба. Такой переход имеет аналогии и в поэзии XIX в. на «дорожную», «транс-

портную» тематику (символическое «Мчусь куда-то...» у Н. Рубцова соотносимо с «Несёмся во всю прыть» у П. Вяземского). Путь дорожный, в традициях мировой литературы, воспринимается как путь жизненный, путь цивилизационный. Символическое расширение образов становится одним из средств введения в произведение моральной проблематики.

Оба поколения писателей — представители и XIX-го, и XX-го вв. — говорят, в сущности, об одном: об ускорении жизни, о чрезвычайно быстро меняющемся мире, о диспропорции, дисбалансе между внешними и внутренними изменениями: «Но довольно! Быстрое движенье / Всё смелее в мире год от году» (у Н. Рубцова), «В этой гонке, в этой скачке — / Всё вперед, и всё спеша — / Мысль кружится, ум в горячке, / Задышается душа» (у П. Вяземского); «Отдохнул бы в тени тех берёз, / Где так много посеяно грёз <...> Сам бы мог, наконец, полюбить... / Мчится, мчится железный конёк» («На железной дороге» Я. Полонского); о соотношении человека и техники; о месте человека в мироздании.

В стихотворении Н. Рубцова отражается и дихотомия, имеющая место в стихотворных произведениях предшествующего века, а именно вопрос понимания (непонимания) места человека в мире. Это своеобразное объединение разновременных или сосуществующих философско-поэтических тенденций XIX в.: отношения к человеку как к центру мироздания; понимания слабости человека вкупе с осознанием опасности его деятельного вмешательства в окружающий мир. Правда, уже в XIX в. появляется диалектический взгляд на природу человека в рамках творчества отдельных авторов — конкретно в связи с противоборством природы и человека, вышедшим на новый уровень. Таковы позиции и творческие тенденции у П. Вяземского, Е. Боратынского, М. Дмитриева, Ф. Глинки — с перевесом в сторону сомнений во всемогуществе человечества.

Уже тогда, на фоне восторженного приёма новых средств цивилизации, изменивших представление о пространстве и времени, создавших иллюзию бескрайних возможностей человека, зазвучали голоса, озабоченные судьбой человечества: «И с русской удалью, татарски-беззаботно, / По страшным крутизнам во всю несёмся прыть, / И смелый лозунг наш в сей скачке поворотной: / To be or not to be — иль быть, или не быть... / Здесь пропасть, там обрыв: всё трюнь-трава, всё сказки! / Валяй, ямщик, пока не разрешён вопрос: / Иль в море выскочим из скачущей коляски, / Иль лбом на всём скаку ударимся в утёс!» (П. Вяземский, «Горы ночью», 1867)¹⁴. Ироничные строки обнажают иллюзию выбора.

Есть и более неоднозначные стихи, вызывающие сложность при их интерпретации. В строчке, закрывающей стихотворение Ф. Глинки «Две дороги»: «А люди? — люди станут боги, / Или их громом пришибёт»¹⁵, — один из исследователей увидел авторскую уверенность в человеке, в его торжестве: «До появления аэропланов Фёдор Глинка, проживший очень долгую жизнь, всё-таки не дожил, — но высказал такую отчётливую уверенность в благодеянии всякого технического прогресса, какую трудно найти в европейской литературе той эпохи. Техническое совершенство человеческой жизни принимало в его представлении почти божественные очертания: “Так помиритеесь вы, дороги...”. Уверенность в “техническом”

величии будущего человека оборачивалось кощунством, — но в 1840-е годы воспевание “чугунки” и предчувствие “воздушного паролёта” часто доходило прямо-таки до одического воспевания...»¹⁶. Позволим себе усомниться как в факте одического воспевания, так и в таком прочтении, подменяющем окрашенный иронией взгляд автора.

Подобная же ситуация складывается и вокруг строк Н. Рубцова. Последняя строчка «Поезда» может быть рассмотрена как риторический вопрос, символизирующий оптимистический, светлый взгляд поэта в будущее: «...в мире социализма есть возможности предотвратить нежелательные последствия научно-технического прогресса. К этому и звал своей поэзией Николай Рубцов, вовсе не отрекаясь от движения вперёд и веря в правоту и разумную волю людей: “И какое может быть крушенье, / Если столько в поезде народу?” (“Поезд”»¹⁷. Вопрос, поставленный в финале стихотворения, заставляет задуматься и сигнализирует всё же, на наш взгляд, о неоднозначности авторской позиции (что подтверждается самим текстом о зыбкости человеческого бытия: «Посреди миров несокрушимых <...> перед самым, может быть, крушеньем»). Это риторический вопрос, но всё же вопрос.

«Поезд» роднит с предшественниками отсутствие голой констатации вывода, напротив, размышление над вопросами бытия. И ракурс размышлений для авторов разных (на поверку — схожих) эпох вновь оказывается идентичным. Будь то «Поезд» Н. Рубцова, или «Железный конёк» Я. Полонского, или «На реке» В. Бенедиктова — везде содержится неизменный идеал, заключающийся в духовной аксиологии. Новое может ощущаться или не ощущаться как отклонение, но борьба с ускоряющим свой бег временем бессмысленна и бесполезна; свободным остаётся только внутреннее отношение человека к переменам. У Я. Полонского в ходе размышлений лирический герой уступает веку — но в самом финале, после упорной борьбы; у В. Бенедиктова — тоже уступает, признавая при этом духовные ценности прошлого. Стихотворение Н. Рубцова в этом отношении предоставляет исследователю поливариантность возможных интерпретаций.

Вместе с тем и то, и другое поколение чувствует разрыв между должным и сущим или между желаемым и действительным. В мироздании нет очевидного равновесия. Человек одновременно и слаб («Дай дорогу, пеший!»), и чувствует силы на нечто большее («Я, как есть, загадка мироздания»; ср. с концепцией человека в знаковом стихотворении Е. Боратынского «Недоносок»). Он покоряет природу, но при этом становится пленником и своих созданий, и самой природы, победа над которой де факто видится ещё большим злом и прямой угрозой человеческой природе и существованию. Этот клубок вопросов дополняет интеллектуальную путаницу XIX в. и, претерпевая ряд изменений (от прогностического взгляда к констатирующему), входит в XX столетие.

Рассмотренные выше переключки образов и мотивов могут показаться незначительными или даже случайными, взаимно никак не обусловленными. Но вместе они делают стихотворение «Поезд» (взятое в качестве примера) формально-содержательным сплавом традиции XIX в. с собственно рубцовой поэтической мыслью.

Разумеется, однозначно о влиянии говорить затруднительно: чисто психологически и народным сознанием может быть мотивировано, скажем, сравнение фонаря поезда с глазом или образ уносящего добычу лешего. Однако и эта мотивировка интересна и привносит новое в литературоведческие и культурологические исследования. Даже если ряд из указанных переключек не представляет собой интертекста в буквальном понимании, это лишь подтверждает глубокую укоренённость Рубцова в народной традиции, в предшествующей поэтической системе.

Так или иначе Н. Рубцов и здесь становится продолжателем ключевых философско-литературных тем, заданных авторами XIX в. На новой основе задаётся вопрос: насколько планомерно активное вмешательство человека в окружающий мир, о степени его интенсивности, о возможных границах и последствиях такого вмешательства.

Безусловно, XX столетие привносит новые акценты. Помимо вопросов о месте человека в человечестве, человечества — во вселенной, встаёт вопрос о месте человека в коллективе, коллектива во вселенной, вводится определённый политический подтекст. И транспорт может уже становиться не объектом исследования, а фоном, способом передачи внутреннего состояния героя («Портовая ночь», «Последний пароход»), иллюстрируя универсальность таланта поэта, равно как и изменение временных координат.

Н. Рубцов проявляет избирательность в выборе тем, оригинальность в их раскрытии. Так, стихотворение «Поезд» интересно и русским колоритом, и одновременно общечеловеческой значимостью. Оно многопланово, затрагивает личное, коллективное, общечеловеческое. Оно уникально. Но общее тревожное настроение, переплетение мотивов в рамках стиха, схожесть образов, философских воззрений и ряд других параметров роднят его — и лиру Николая Рубцова в целом — с предшествующей литературной традицией и гармонично встраивают в неё.

¹ *Николайчук Я.* Лирика Н. Рубцова. URL: http://sochinenie.blogspot.com/2011/01/blog-post_3348.html (дата обращения: 10.09.2012).

² *Рубцов Н. М.* Стихотворения. М.: Профиздат, 2009. С. 218. Далее текст цитируется по данному изданию.

³ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1878–1896. Т. XI. С. 68–70. Далее текст цитируется по данному изданию.

⁴ *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 420.

⁵ Там же. С. 515.

⁶ *Глинка Ф. Н.* Сочинения. М.: Сов. Россия, 1986. С. 310. Далее текст цитируется по данному изданию.

⁷ *Полонский Я. П.* Сочинения: в 2-х т. Стихотворения, поэмы. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 177–178. Далее текст цитируется по данному изданию.

⁸ *Островский А. И.* Драматургия. М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ», 2000. С. 120.

⁹ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1878–1896. Т. XII. С. 324.

¹⁰ *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. С. 515–516. Далее текст цитируется по данному изданию.

¹¹ Цит. по: *Рылеева А. Н.* Наивное видение как мир впервые: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2006. С. 2.

¹² *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. С. 420.

¹³ *Киров А. Ю.* Лирический сюжет «Движение сквозь пространство и время» в книге стихов Н. М. Рубцова «Подорожники». // «Душа хранит»: жизнь и поэзия Николая Рубцова: информационный ресурс: 2010. URL: <http://rubtsov.id.ru/critica/kirov14.htm> (дата обращения: 02.08.2012).

¹⁴ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. XII. С. 324.

¹⁵ *Глинка Ф. Н.* Сочинения. С. 311.

¹⁶ *Кошелев В. А.* «Кому на Руси жить хорошо»: О великой поэме и о вечной проблеме. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. С. 61.

¹⁷ *Николайчук Я.* Лирика Н. Рубцова. Указ. соч.